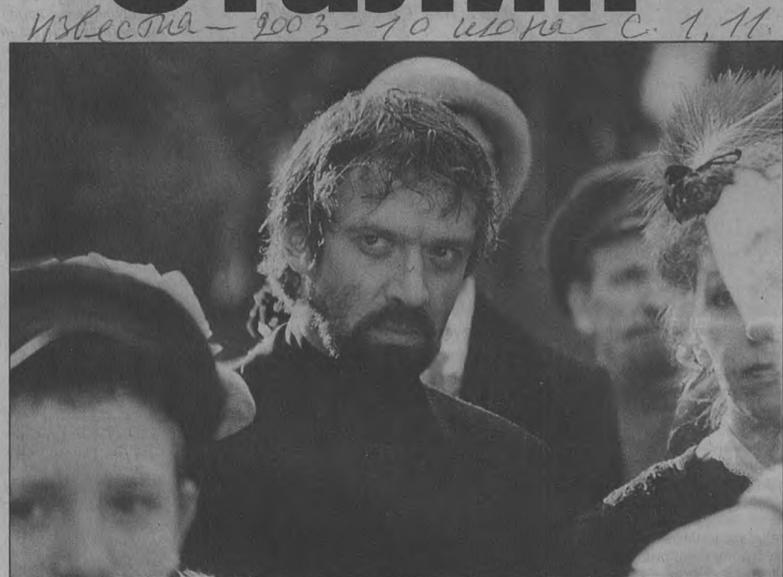

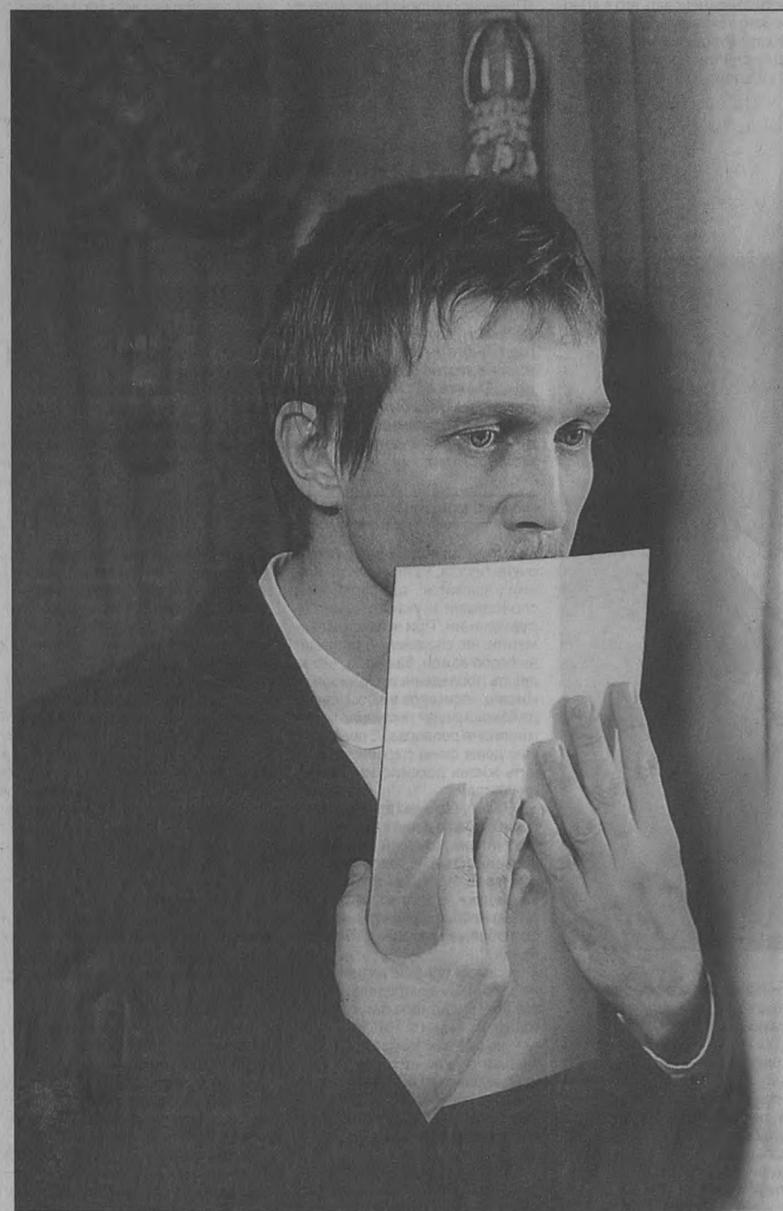
«Идиот» состоялся. Следующий — «Сталин»

Владимир Машков заставил поверить в своего Рогожина

Блистательный дуэт: Олег Басилашвили с Инной Чуриковой

Владимир Бортко: «На съемках «Идиота» я кричал Жене Миронову «Ты гений!»

— С чего начался для вас Петербург?

— Я снял свой первый фильм на Украине — на студии Довженко. В 27 лет. А потом времена пошли такие, что стало трудно. Замечательный сценарист Анатолий Гребнев посоветовал мне приехать в Ленинград. Приехал в Первое объединение Иосифа Хейфица. Меня встретила главный редактор Фрижетта Гукасян (она и сейчас главный редактор — у меня на студии). Сказала — сейчас придет Илья Александрович Авербах, и мы поговорим. Я ждал... Сначала появился запах французского одеколора, потом слышались шаги и вошел человек в сером костюме, в какой-то кепочке... Тут надо сказать, как я был одет. По киевским понятиям великолепно: желтоватые брюки, желтая рубашка, синий галстук, черный пиджак и ботинки со шпорами... И сразу стало понятно, как нелепо я выгляжу. Илья Александрович спросил, что я хочу показать, и я предложил свою студенческую работу. Он посмотрел и сказал, что будет пробовать мне постановку на «Ленфильме». Это и стало началом. Дело не только в том, что меня взяли на «Ленфильм», просто я увидел, как нужно держаться, как нужно разговаривать. Помните: в человеке все должно быть прекрасно. Так вот это прекрасное пришло ко мне в лице Авербаха. Потом я узнал Илью Александровича гораздо лучше, и то ощущение не проходило. Вот так начинался для меня Петербург.

— Вы Достоевского любите?

— Люблю, потому что это начало модернизма.

— ?

— Да нет, я люблю потому, что его интересно читать. Достоевский мне ближе Толстого, меня увлекает копание в изгибах человеческой психики.

— Копание в изгибах человеческой психики, духовность с неким налетом паранойи — очень петербургская черта. Многие из тех, кто творил здесь, в какой-то момент, пусть и с разной степенью погружения, уходили в те болезненно-непознаваемые сферы. Значит, есть что-то, запрограммированное Петербургом. Болезненная раздвоенность?

— Когда летом нет ночи, а зимой нет дня, это накладывает отпечаток на психику. Не случайно о Петербурге говорили — «нарэшный город». Город, созданный по воле человека и вопреки здравому смыслу...

— Достоевский называл Петербург «умышленным городом».

— Да, эта красота невероятная, этот ступок энергии и болотистая почва... Разве такое может не влиять? Центр красив так, что дух захватывает, и привыкнуть к такой красоте невозможно. И трущобы наши, каких нигде в мире нет... Там тоже дух захватывает, но по другой причине. (Смеется.) Как с этим жить, как существовать в таком противоречии? А потом оказывается, что именно без этого невозможно. Петербург может перемигнуть и отшвырнуть, но если захочет — притягивает безвозвратно...

— Но тогда пропадет аура Достоевского. В предыдущем интервью «Известиям» вы сказали: «Я хочу, чтобы, включая «Идиота», люди, самые молодые и самые простые, сказали — о, реальное кино показывают!» У вас получилось реальное кино?

— Не могу же я судить, что у меня получилось? Это дело зрителей. Могу говорить только о рейтингах — они высоки. Но мы на это и рассчитывали судя по тому «известинскому» интервью. Теперь вот интересно читать.

— Спасибо, что хоть теперь интересно... Вы изначально были ориентированы на успех и не боялись об этом говорить. Случай редкий — я и про успех, и про интуицию.

— Не в интуиции дело. Не знаю, какой я художник, но знаю, что я — профессионал. А раз так, то должен точно прогнозировать восприятие того, что делаю. Конечно, я несколько ошарашен количественными показателями. Спасибо нашим соотечественникам, которые заинтересовались не мильной детективной оперой или боевиком, а экранизацией одного из сложнейших произведений русской классики. Я рассчитывал, что будут смотреть, и продумывал, как этого добиться, — иначе глупо было бы снимать сериал для телевидения. Но что будет так... — Где-то после третьей серии, когда уже стало ясно, с чем имеем дело, я попросила кол-

лег-журналистов в нестоличных регионах России наблюдать за реакцией зрителей. В общественном транспорте Новгорода, Пскова, на Валдае обсуждали, что же будет с героями «Идиота». Вы этим фильмом провели эксперимент на тему: может ли сегодня зритель смотреть серьезное кино. И ответили на вопрос утвердительно.

— Если хотите, Достоевский предлагает очень завлекательный сюжет: страсти, попытки убийства и самоубийства, любовь, ревность...

— Полупадшая женщина...

— Почему полупадшая? Проститутка. Можно ведь было этим всем и ограничиться. Сделать такую броскую мелодраму. Но тот пласт — только крючок. Романы Достоевского — слоеный пирожок, и мы пытались показать все слои, рассказать, заставить подуматься. Я следил за интернет-обсуждением фильма. В Интернете, как вы понимаете, сидят в основном молодые ребята. Я был поражен, как тонко и точно они анализируют не только приключенческую сторону, но и психологические мотивы поведения героев. Вот это особенно ценно. Кстати, задача пробуждения интереса к самой книге выполнена. Вроде как потянулись к книжным полкам.

— Перед встречей с вами я обзвонила несколько петербургских библиотек, выяснила, что все экземпляры «Идиота» на руках.

— А я что говорю! Мы ведь делали не только и не столько механический перенос Достоевского на экран. Читать-то его все равно надо. Хотя мы стремились, ничего не упуская в характерах героев и мотивах их поведения, рассказать сюжет и фабулу.

Попытки экранизации уже были... Но Пырьев и Курасова снимали совсем о другом.

— И Вайда тоже делал — «Настасья».

— Не видел. А Пырьева видел. Так вот, я должен вам сказать, что решил снимать «Идиота», как говорится, от противного. Когда мне что-то не нравится, голова начинает лучше работать. Я очень люблю творчество Пырьева, могу бесконечно пересматривать «Свинарку и пастуха» и «Кубанских казаков», а вот «Идиот» его мне не нравится. Какое-то странное, условное произведение получилось. Собственно, в то время и не могло получиться ничего другого. Проблематика Достоевского входила в вопиющее противоречие с существующей идеологией. Рогожин у него одно-

ему на дверь, особенно, если вы царский генерал. И не от страдания генерал Епанчин останавливает князя, знакомит его с женой. Он ведь реагирует на реплику Мышкина: «Это только кажется, что мы — разные люди». И у Курасовы, и у Пырьева, и в БДТ князь — абстрактное нечто, вокруг чего кипит страсти и развивается действие. Нам хотелось сказать, что книга-то называется «Идиот», а не «Вокруг идиота». Князь же намерен быть философом и учить людей, он же по каждому вопросу имеет мнение, причем странное на двадцать. И он не убогий, он — идиот, в переводе с греческого — человек, живущий своей жизнью. Он идиот в полном соответствии с переводом этого слова, он иной, другой. Здесь мы стремились максимально следовать Достоевскому.

— Пока смотришь фильм, кажется — вы следуете не только духу Достоевского, но и «букве», то бишь тексту: ухо отдыхает благодаря хорошей русской речи XIX века. Если же

спросил, но и раздвигал рамки так, что я не имел. Я практически обо всех артистах, с которыми работал в «Идиоте», могу сказать, что мне с ними повезло.

— И о Лидии Вележевой, игравшей Настасью Филипповну?

— Я не понимаю, почему на бедную Лиду так все нападают. Вот вы мне объясните, почему все кричат: ах, нет, ах, не о том?!

— В Вележевой броская красота есть, а заявленной Достоевского инферальности — нет. И подтекста в тексте нет, так, истерика вместо трагедии. А уж в сценах с Евгением Мироновым — просто зияющие пустоты вместо полутонов...

— Ну, знаете, каждый человек одарен по-разному. Есть разные степени — от гениальности до способности.

— И даже до заурядности... Я категорически не назвал бы Лиду заурядной. Она очень точно делала то, что я просил. Но какой должна быть Настасья Филипповна? Вы ее видели? Вы у Достоевского спрашивали? И я не спрашивал. Так что можем только читать. И смотреть. У Достоевского написано — хочешь вульгарным смеяться. И у нас хочешь вульгарным смеяться. Кстати, могу сказать, что Настасья Филипповна, соответствующая высоким материалам восприятия, есть только у Курасовы. Но у него она весь фильм молчит. Нужно, чтобы произошла замена: вашего образа — на нашу героиню. Между прочим, до Вележевой я попросил человека двадцать — все искал. Нашел. Я доволен. Ну что я, спорить с вами должен?!

— По поводу остальных героев и исполнителей — и говорить нечего: очень доволен.

— Давайте вернемся к прочтению романа. Вы несколько изменили его акценты. Например, подчеркнули тонущую в тексте «Идиота» линию генеральши Епанчиной.

— Достоевский выливает на вас лавину текста, погружает в немощное количество подробностей. Скажем, монолог князя Мышкина у вазы занимает тридцать страниц, а у нас он — восемь минут. Мы же делали фильм — произведение драматургическое. Потому и линии проводили несколько по-иному, но, как я уже говорил, все-таки максимально следуя сюжету и фабуле.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

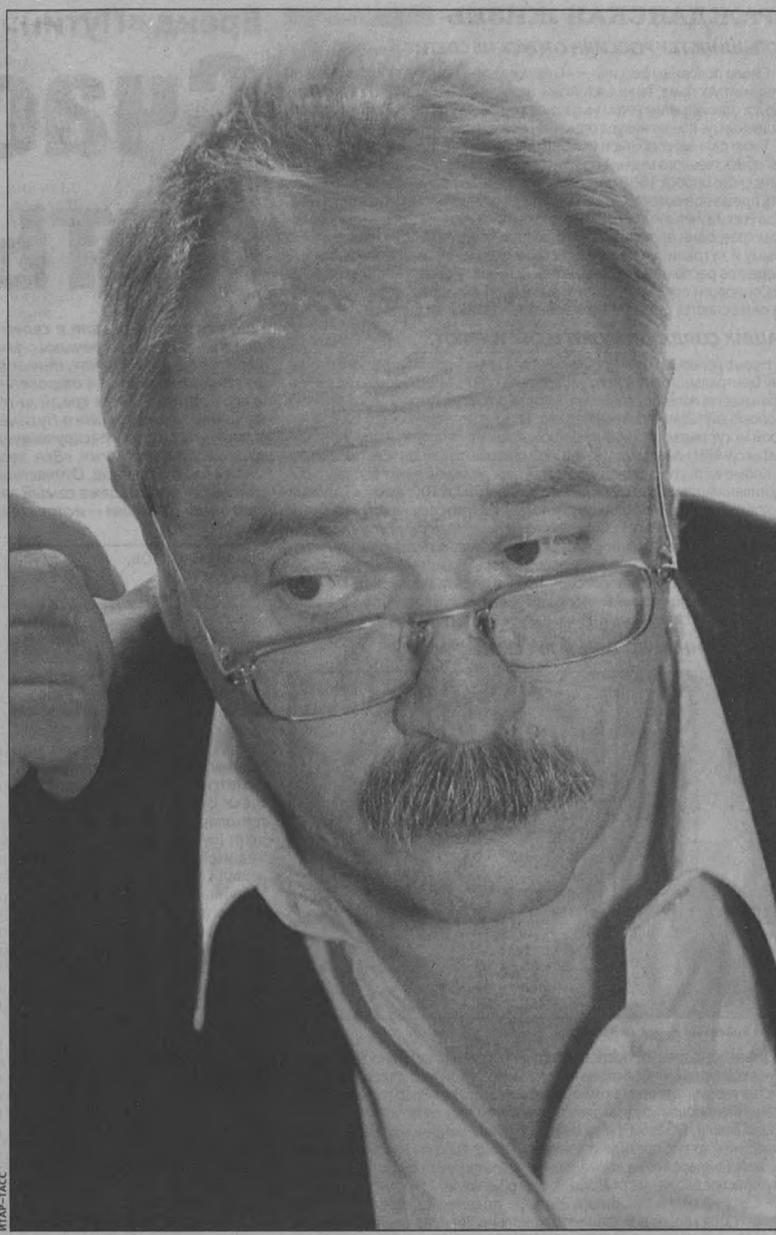
— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

ИТАР-ТАСС

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

БОРТКО Владимир Владимирович, режиссер, сценарист, актер. Родился в Москве 7 мая 1946 года. Окончил Киевский геолого-разведочный техникум (1965). В 1965–1966 годах служил в армии, работал техником-электриком «Военпроекта» в Киеве (1966–1969). В 1974-м окончил Киевский институт театрального искусства им. И. К. Карпенко-Карого. Работал ассистентом режиссера на Киностудии им. А. Довженко, с 1980-го — режиссер-постановщик киностудии «Ленфильм». Соавтор сценариев к ряду своих фильмов. Дебютировал в 1978 году картиной «Комиссия по расследованию». Режиссер фильмов «Собачье сердце» (Государственная премия СССР), «Блондинка за углом», «Афганский излом». Постановил пьесу «Царь Эдип» Софокла на сцене Эрмитажного театра. Народный артист России. Член правления Союза кинематографистов Санкт-Петербурга. Женат, имеет сына.

— Зачем вам понадобился отблеск надежды, которого у Достоевского в финале «Идиота» нет? Я имею в виду последнюю встречу генеральши Епанчиной и князя Мышкина, за границей.

— Именно отблеск, не сама надежда. Я не хотел, чтобы зритель вдруг уверовал, что все хорошо, князь выздоровеет и вернется в Россию. Но я не хотел и того, чтобы зритель уверился, что этого не произойдет. От себя я добавил в текст Достоевского только одну фразу: «Ах, князь, выздоровевший, возвращайся в Россию». Ничего больше. Нет, все-таки добавил еще буквально два слова, когда генеральша — Инна Чурикова — произносит текст Достоевского: «Вся эта Европа — фантазия, и мы в этой Европе — одна фантазия». Так вот я добавил — «сам видишь». А Жена сделал потрясающую вещь: он на этом крупном плане с бессмысленными глазами вдруг улыбнулся, понимаете?

— И точка стала многоточием...

— Конечно! У нас сохранились черновые фонограммы — я кричал Жене тогда: «Ты — гений!» И мы не сняли тогда больше ни одного дубля. Мы говорили, что нехорошо оставить у зрителя ощущение безысходности...

— Итак, «Идиот» состоялся, что дальше?

— «Иосиф Сталин». Кинофильм и телесериал в десяти сериях. Сценарий пишет Эдвард Радзинский. Я долго его уговаривал, и вот наконец он обмахнул перо в чернильницу. Фильм, если он состоится, будет о последних днях Сталина. Этаким итог проработанной работы.

— Возникнут аллюзии с сокуровским «Тельцом».

— «Тельца» я не видел, а что касается темы последних дней, то логично взглянуть на человека, у которого позади жизнь. Сталин — это лагерь и миллионы загубленных жизней. Сталин — это мощнейшее государство. Это человек с мировоззрением «я и мир». При всей болезненности отношения к фигуре Сталина у нас как-то никто не анализировал с художественной точки зрения эту личность. Никакого опаравдания Сталина, разумеется, не будет, но и упрощения ситуации тоже. Пока больше ничего не скажу: работа только начинается и закончится, бог даст, в 2005 году.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.

— Почему вы выбрали именно Лиду Вележеву? Она ведь не была востребована в кинематографе.

— Лиду Вележеву я выбрал, потому что она была востребована в театре. Она была востребована в театре. Она была востребована в театре.